

С РАННЕГО детства и до вполне зрелого возраста опера Зураба Соткилавы не волновала. Нисколько не сомневаясь, что его жизненное призвание — профессия инженера, он поступил в Тбилисский политехнический институт, который благополучно и окончил. В студенческие годы открыл для себя еще одно призвание — футбол. Возьмите наугад любую статью или буклет, посвященные творчеству Соткилавы, и, будьте уверены, обязательно прочтете, что тбилисское «Динамо» связывало с ним немалые надежды.

К счастью, рядом оказались люди, «разглядевшие» истинное его предназначение. Через день, после того как Зураб Соткилава сдал последний «гос» в политехническом, его буквально силой «привели» на приемные экзамены в Тбилисскую консерваторию. Голос Соткилавы (баритон в ту пору) произвел впечатление, и он был принят, хотя, например, что такое сольфеджио будущая «звезда» оперной сцены представляла тогда очень смутно. Да и вообще новоиспеченному студенту консерватории как-то не верилось, что это все серьезно и станет делом его жизни.

А дело пошло, и очень успешно. Тем больше удивились педагоги консерватории, когда... «Когда на втором курсе, насмотревшись фильмов с участием знаменитых теноров, я решил, что если буду петь, то только теноровые партии», — заключает Зураб Лаврентьевич. Соткилава пришел «проситься» в класс к Давиду Андгуладзе, некогда прославленному певцу-тенору, в то время преподававшему в Тбилисской консерватории, и тот стал его отговаривать: «Зачем рисковать? Какой из тебя баритон, мы знаем, а вот выйдет ли тенор, еще неизвестно». «Я инженер и, если из меня не получится тенор, буду работать по своей настоящей специальности», — ответил Соткилава и... перешел в класс Давида Андгуладзе. Конечно, в тот момент он не осознавал всего значения сделанного им выбора. Здесь сыграли свою роль интуиция да еще юношески наивный «пракитизм»: тенор — первая фигура на театре, репертуар богатейший, так что он всегда на виду, всегда любим и окружен восторженными почитателями — выгоднее, ох выгоднее быть тенором!

То, что Зураб Соткилава стал тенором, оказалось очень выгодным для оперного искусства и для зрителей. Его «большой по объему голос превосходной ровности и красоты во всех регистрах», «один из самых сверкающе-прекрасных голосов» (из отзывов зарубежной прессы) поражает не только своей красотой и силой, но и необычайной одухотворенностью.

Такой певец, должно быть, не ведает трудностей на сцене. Вокальные данные прекрасные. Природная эмоциональность, темперамент. Интуиция (а уж на нее, как мы знаем, он может положиться), видимо, довершает дело. Нужен только особый настрой, и образ родится легко и свободно... Но спрашиваю Зураба Лаврентьевича, как он готовится к спектаклю, и... Вместо ожидаемых «рецептов» вдохновения, например, «избегаю встреч, отвлекающего общения, стараюсь сосредоточиться на роли, погрузиться в музыку, эпоху, которая через два-три часа оживет на сцене», слышу в ответ нечто необычное даже для менее эмоционального художника — «тренирую голос и тело, делаю вокальные и физические упражнения». Звучит довольно прозаически... Где же вдохновение?

— Бывает так, что его и нет. А на сцену выходить все равно надо. Впрочем, самоконтроль, даже расчет, если хотите, необходимы всегда. «На крыльях» можно унести далеко — слишком далеко от своего героя. Должна быть логика поведения на сцене.

Чувства, которые выплескиваются на нас с такой силой, логически обосновываются, скупозно «вычисляются»...

Умение анализировать то, что подсказывает неведомый «внутренний голос», и делать уже вполне осознанные, нужные и правильные выводы Зураб Соткилава овладел еще в консерватории. Человек увлекающийся и по-настоящему увлеченный своим искусством, он научился не увлекаться, когда это мешает делу. Пропустить мимо ушей замечание педагога для Соткилавы было немыслимо, так же как впо-

следствии в театре (это правило неукоснительно соблюдается им и поныне) пренебречь советом своего консультанта. Или суждением режиссера, который ставит спектакль, — может быть, потом, после раздумий, он и возразит ему, но выслушает внимательно, постарается понять и воспринять с благодарностью.

Зураб Лаврентьевич вспоминает, как работали они с Борисом Александровичем Покровским над оперой «Отелло» Верди. Последовательно, такт за тактом выстраивали образ. Через несколько лет Соткилава участвовал в постановке этой оперы в Италии. Режиссер, ставивший спектакль, — Лючано Де Вита, безоговорочно принял предложенную артистом кон-

ОПЕРА И ВСЯ ЖИЗНЬ

Опера, только опера и ничего, кроме оперы, — такой на первый взгляд предстает жизнь народного артиста СССР Зураба Соткилавы.

цепцию роли, отметив психологическую глубину и достоверность его Отелло. Только один нюанс, на его взгляд, ускользнул от Соткилавы.

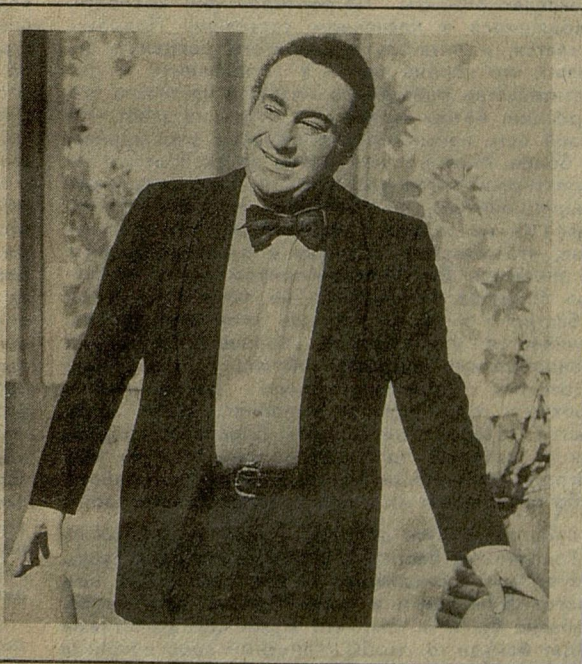
— «У тебя нет реакции на Яго в третьем акте», — говорил мне Лючано, — ты ударил Дездемону и начинаешь на всех злиться. Но в том-то и дело, что по отношению ко всем остальным ты должен быть прежним. И меняться только после того, как Яго, твой «подчиненный», вдруг обращается к тебе на «ты» — впервые, давая понять, что теперь вы сравнялись... И ты осознаешь, что совершил». Я осознал слова Лючано и стал петь по-другому, найдя с его помощью это «ты», потерявшееся в русском переводе либретто.

Трезвое отношение к своему делу, жесткая логика поведения на сцене и в жизни (что касается профессии) скрыты от наших глаз, замаскированы большим человеческим и артистическим обаянием. Спокойный, уверенный в себе, всегда жизнерадостный и энергичный — таким знают Зураба Соткилаву в его повседневной жизни. Он шумен и весел в кругу друзей и с неизменным удовольствием гоняет футбольный мяч. Через край бьющая энергия, неизменная жизненная сила пронизывают и все его искусство. Мне Зураб Соткилава представляется «собором» художников эпохи Возрождения, носителем ее духа, особой атмосферы, чуждой всякой сентиментальности, слащавости и не чуждой своекорыстия и расчета, свободной от предрассудков, проникнутой жизнеутверждающим пафосом.

— Зураб Лаврентьевич, за что вы любите оперу? Что она дает вам?

— Ощущение полноты жизни. Помните такую фразу из дневниковых записей Елены Образцовой: «Я испытывала физическое страдание оттого, что нельзя больше петь» — когда закончилась ее выступление в «Реквиеме» Верди в Италии. Я не склонен драматизировать и потому скажу, что испытываю ни с чем не сравнимое наслаждение во время пения. Впервые это ощущение пришло, когда я пел Абесалому в одном из спектаклей «Абесалом и Этери» Палиашвили, еще будучи солистом Тбилисского театра оперы и балета. Приходит оно, когда «захочет», не подчиняясь никаким законам. И все же есть одно обязательное условие — наслаждение твоим искусством людей, сидящих в зале...

В «послужном» списке Соткилавы партии не только в итальянских операх. Одно из любимых «исключений», например, — Хозе из оперы «Кармен». И все же он явно предпочитает итальянских композиторов — Паиззелло, Доницетти, Верди, Масканы, Пуччини. Дебютом Соткилавы на оперной сцене в Тбилисском театре была партия Каварадосси в «Тоске». Итальянская опера отвечает горячему темпераменту артиста. На нее «настроен» его голос. Недаром он стажировался в Милане у выдающегося педагога Дженадро Барра. Помогая молодому певцу совершенствоваться вокальную технику, знаменитый маэстро, сразу же угадавший в нем «своего», в первую очередь



ориентировался на итальянскую музыку. Так что и здесь Соткилава выбрал себе верную дорогу...

— Да, но идти ею непросто. Самые любимые партии — это прежде всего Ричард из оперы «Бал-маскарад» Верди и, конечно, Отелло — как раз и давались с самым большим трудом. С другой стороны, чем больше трудностей приходится преодолевать при подготовке партии — в вокальном отношении и в создании образа, — тем легче и радостнее потом на сцене. До встречи с Борисом Александровичем Покровским я основное внимание уделял звуководению. Работа с этим замечательным режиссером перевернула мои представления о диапазоне выразительных средств оперного артиста, о музыкальной драматургии, самой природе искусства оперы.

Скоро им вновь предстоит сотрудничать. Покровский возобновляет в Большом театре «Обручение в монастыре» Прокофьева, Соткилава будет занят в этом спектакле в партии Дона Жерома. Это своеобразный дебют — впервые он попробует свои силы в прокофьевской опере.

В 1980 году Зураб Соткилава был избран почетным академиком Болонской академии искусств. Упомяну это событие не для того, чтобы лишний раз «засвидетельствовать» огромную популярность артиста. Пожалуй, именно тогда Соткилава всерьез задумался о необходимости целенаправленной, последовательной пропаганды оперного искусства: один из спектаклей, которые он пел в Болонском оперном театре, по предложению академии был адресован школьникам. Его поразило, с каким вниманием дети слушали музыку.

— А самым удивительным для меня было то, что «поход» в оперу рассматривался как своеобразное поощрение, награда за прилежание. Лучшие ученики старших классов болонских школ слушали и смотрели наш спектакль. Все было заранее подготовлено, знали историю создания оперы и имели представление о музыке. Как непохоже это было на традиционные утренники в Большом театре, где иной раз школьника-то на спектакле и не встретишь. А воспитывать вкус, развивать интерес к серьезной музыке у молодежи, и у детей особенно, необходимо, иначе наше искусство действительно останется «в пустом зале».

Впрочем, он не считает, что это реальная угроза. Когда Соткилаву пригласили принять

участие в телепередачах, посвященных опере, он согласился, не раздумывая. Не только потому, что нужно пробуждать интерес к оперному искусству, но и потому, что необходимо этот интерес удовлетворять. И оказался прав: есть интерес. Цикл «Звезды испанской оперы», судя по той почте, которую он вызвал, получился, понравился.

А вот «Клуб любителей оперы» на телезрителей впечатления не произвел, показался скучным. Но и тут их не упрекнешь: материал на самом деле был не очень интересным, в основном — одни разговоры, которым явно не хватало динамики, живой нотки. Может быть, на «самочувствии» участников сказались постоянные — и утомительные — поиски помещения. Теперь съемки предполагается проводить в Доме-музее Ф. И. Шаляпина. Не придется больше ломать голову, где в следующий раз собрать клуб, и можно будет целиком сосредоточиться на решении творческих задач.

Просвещение любителей оперного искусства чем-то сродни посвящению в тайны мастерства будущих профессионалов — молодых певцов, считает Соткилава. Целую главу в его биографии составила преподавательская деятельность. То, что он обратился к преподаванию, артист объясняет «корыстными» целями: обучая других, учишься сам, но, разумеется, это только доля истины. Работая в театре (при условии, конечно, что любишь театр), невозможно не думать, кто придет на смену. Соткилава гордится своими учениками. Среди них такие многообещающие, уже заявившие о себе молодые певцы, как солисты Большого театра Владимир Богачев, Александр Федин. Тем не менее все, что связано с подготовкой оперных артистов, вызывает у него тревогу и боль.

Почему? Ведь мы привыкли считать, что дело с обучением певцов у нас обстоит неплохо, да и талантов хватает.

— Талантов действительно много. Но насколько им было бы легче и насколько их, явивших нам себя, было бы больше, если бы дело и впрямь было поставлено хорошо. Проблем у нашего вокального обучения накопилось множество. Взять, к примеру, полное отсутствие антерской подготовки у выпускников наших консерваторий. Их существование в театре очень беспомощно на первых порах...

Недавно, уйдя из Московской консерватории, где в течение долгих лет он вел класс сольного пения, Соткилава завершил свою преподавательскую «главу». Что ж, остается только пожалеть об этом... Рассчитывая наконец-то «вдохнуть», в итоге он все же обманул себя, так и не сделал освободившееся время свободным: с удвоенной энергией взялся за любимое свое детище — оперный фестиваль.

Вот уже третий год с большим успехом проходит в Кутаиси фестиваль оперного искусства, организованный по его инициативе. Это замечательный праздник, в дни которого весь город полон музыкой.

— Особенно мне дорог фестиваль, состоявшийся нынешним летом, — говорит Зураб Лаврентьевич. — Мы посвятили его выдающемуся грузинскому музыканту Евгению Микеладзе, стертому с лица земли в страшные 30-е годы. Чтобы вернуть память о нем, высветить его имя...

Удивительно точно найденное слово. Белые пятна создавались черной краской — имена, события, людей затупевывали. И теперь необходим луч света, луч памяти, чтобы вернуть их из черноты небытия, чтобы вновь проступили и засверкали настоящие, яркие краски. Кутаисский фестиваль — торжество музыки. Третий кутаисский фестиваль — еще и торжество справедливости, исполненный долг памяти. Может быть, потому именно этот фестиваль принес Зурабу Соткилаве титул «Почетного гражданина города Кутаиси».

Так что же все-таки входит в круг интересов Зураба Соткилавы? На мой взгляд, Зураб Лаврентьевич ответил на этот вопрос. Только опера и... вся наша жизнь. Со всеми ее проблемами. И он старается сделать ее лучше своим искусством. То есть всей своей жизнью.

Н. ШАДРИНА.

● Зураб Соткилава.

Фото В. Левина.